

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Мультикультурализм: социальная концепция и социальные практики

Г. Ю. КАНАРШ

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье рассматривается феномен мультикультурализма, характерный для развитых стран Запада второй половины XX в. С точки зрения автора, мультикультурализм представляет собой особую концепцию социальной жизни, которая возникла в современных условиях культурного многообразия и в целом несет на себе выразительный отпечаток прагматической морали западного общества.

Ключевые слова: мультикультурализм, социальная справедливость, политика признания, национальное сообщество, прагматизм.

Multiculturalism: the Social Conception and Social Practices

G. Yu. KANARSH

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article covers the phenomenon of multiculturalism that is typical for the developed countries of the West in the second half of 20th century. From the author's point of view, multiculturalism is a special conception of social life, which has appeared in the contemporary conditions of cultural variety. This conception as a whole bears an expressive impress of pragmatic morals of the western society. Keywords: multiculturalism, social justice, the politics of recognition, national community, pragmatism.

Важной особенностью современных дискуссий о справедливости — «дискурса справедливости», как можно заметить, является его динамизм, способность достаточно быстро реагировать на изменяющиеся условия внешней среды, формировать адекват-

ные новым социальным вызовам теоретические концепции. Так, если в 1970-е годы основные споры разворачивались вокруг понятия социальной, или распределительной, справедливости, в 1980-е главным для западных теоретиков стала проблема соотноше-

* Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, исполняющий обязанности старшего научного сотрудника сектора социальной философии Института философии РАН, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел.: +7 (495) 697-98-93; +7 (499) 374-59-30. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

ния права и блага в политической теории («спор либералов и коммунитаристов»), то 1990-е и первая половина 2000-х годов отмечены активной дискуссией о проблемах мультикультурализма и этнокультурной (или, используя термин А. В. Прокофьева, «межкультурной») справедливости (см.: Апресян, Гусейнов, Прокофьев, 2005).

Такой поворот современного дискурса справедливости не случаен. В большинстве работ на эту тему отмечается, что современный мир характеризует высокая степень социальной (в том числе, культурной) мобильности, усиление межкультурного взаимодействия и контактов, беспрецедентное увеличение миграционных потоков, в результате чего большинство современных обществ перестали быть гомогенными в этнокультурном отношении и включают теперь, помимо титульной нации, множество представителей иных народов и культур (иными словами, стали *культурно мозаичными*).

В свою очередь, данная ситуация порождает весьма серьезную проблему: каким образом в условиях этнической и культурной неоднородности можно сохранить единство и стабильность современных обществ. Наличие данной проблемы и поиск ее решения отражают как современные, существующие в ряде стран уже с 1960–1970-х годов практики мультикультурализма, так и современная теория *этнокультурной (межкультурной) справедливости*, возникшая на Западе в конце прошлого — начале нынешнего столетия (см.: Прокофьев, 2006: 216–237). В настоящей статье, не касаясь сугубо теоретических (философских) аспектов проблемы, проанализируем, что представляет собой *современный мультикультурализм*, официально провозглашенный в ряде стран государственной политикой.

Нами уже не раз подчеркивалось (см.: Канарш, 2009, 2010), что особенность западного мышления (преимущественно англосаксонского, в его *наиболее типичных* формах) заключается в его аутистичности — особом психологическом свойстве (от греч. autos — сам), предполагающем некоторую оторван-

ность от действительности («самособойность»), понятную в связи с особенностями мироощущения замкнуто-углубленных людей — таких людей много на Западе и значительно меньше в России (см.: Бурно, 2008: 392). Это идеалистическое мироощущение, *противоположное материалистическому* (там же: 10), и родственное мироощущению многих людей Дальнего Востока (Китай, Япония, Корея), но в отличие от дальневосточной аутистичности проникнутое *рациональным началом* (там же: 49). Как и на Востоке, здесь присутствует прагматизм — особенная концептуальная практичность (в отличие от земной, *не теоретической* практичности, например, многих русских), но и эта практичность имеет на Западе специфический рационалистический оттенок¹.

Этим особенным западным идеализмом (т. е. чувством *первичности духовного по отношению к материальному*) проникнуты общественные, экономические и политические институты западного общества, а также интеллектуальные дискуссии, разворачивающиеся на Западе вокруг тех или иных вопросов социальной жизни. Последнее достаточно наглядно обнаруживает себя в современном (с 1970-х годов) *дискурсе справедливости* (см., напр: Канарш, 2007). Если мы возьмем ситуацию последних полутора десятилетий, с середины 1990-х годов, то увидим, что характерные западные душевные особенности, проявляющие себя в указанных свойствах (рационализм, прагматизм, утилитаризм), более или менее успешно реализуют себя уже в отношении новой социальной ситуации — состояния культурного многообразия современных обществ. Поэтому, с нашей точки зрения, мультикультурализм как политику и идеологию западного общества можно рассматривать как особого рода идеалистически-прагматическую (подчеркнем — характерную именно для Запада) *концепцию социальной жизни*, пришедшую на смену иной аналогичной концепции (концепции гражданской нации), возникшей в эпоху Нового времени и господствовавшей вплоть до середины XX столетия.

Отечественный исследователь В. С. Малахов пишет об этом так: «Вплоть до середины XX в. государства, построенные на идеалах либеральной демократии, придерживались общей стратегии нациостроительства, а именно: проводили форсированную *ассимиляцию* культурных меньшинств. Независимо от происхождения этих меньшинств, от них ожидали растворения в «плавильном котле» нации, или уже существующей, или формирующейся. Несмотря на существенные различия между «национальными государствами» Старого Света и «иммиграционными странами» Западного полушария, для либеральных демократий этого периода была характерна ориентация на традиционный идеал нации как сплоченного сообщества. И здесь и там культурные различия рассматривались как в принципе *преодолимые* и не были предметом общественных дискуссий.

Приблизительно со второй половины 60-х годов ассимиляторская стратегия начинает подвергаться ревизии. В течение двух последовавших за 60-ми годами десятилетий различные государства демократического мира приходят к той или иной форме признания культурного многообразия. Они перестают считать культурную неоднородность тем, что подлежит преодолению или устранению» (Малахов, 2005: 250–251).

В литературе, посвященной мультикультурализму², как правило, отмечаются два основных фактора, сформировавших настоящую политическую и социокультурную ситуацию. Первый фактор — это демократическое движение 1960–1970-х годов, включавшее борьбу меньшинств (этнических, религиозных, сексуальных) и женщин за свои права. В частности, эта борьба велась за преодоление расовой (например, в отношении негров в США) и гендерной (подчиненное положение женщины) асимметрии, искоренение существующих в западном обществе социальных неравенств. Второй и, может быть, наиболее существенный фактор — это «беспрецедентные» миграционные потоки, усиление которых приходится примерно на это же время (1960–1970-е годы). Речь идет

о притоке в благополучные западные страны большого количества мигрантов из бедных стран Азии, Северной Африки (Магриб) и Ближнего Востока. Надо сказать, что в данном случае стремление мигрантов из этих регионов мира улучшить собственное материальное и социальное положение совпало с потребностью экономик развитых стран в дешевой рабочей силе, а также с желанием этих стран улучшить свою демографическую ситуацию (в связи со стремительным старением населения Запада)³. В результате этих процессов доля мигрантов (легальных и нелегальных) в общем составе населения развитых стран Запада увеличилась в несколько раз и сегодня составляет (в разных государствах по-разному) от 5 до 20% населения (а в мегаполисах этот процент еще больше, и доходит порой до 50%, включая как самих мигрантов, так их потомков) (там же: 253).

В этих условиях Запад был вынужден реагировать на сложившуюся ситуацию, получившую в литературе название ситуации культурного плюрализма (или культурного многообразия). Как мы уже отмечали выше, эта политическая реакция западных стран на культурное многообразие (со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими последствиями) выразилась в получившей известность и широко обсуждаемой в мире политике *мультикультурализма*⁴.

Что же представляет собой данная политика применительно к *конкретным обществам*? Несмотря на то что мультикультурализм, как уже отмечалось, представляет собой особую, возникшую в современных условиях, *концепцию социальной жизни*, основанную на прагматической морали Запада⁵, *конкретные политики* культурного многообразия имеют свою достаточно выраженную региональную и национальную специфику.

Прежде всего, речь идет о выделении двух типов государств, принципиально *по-разному* реагирующих на культурное многообразие. Первая группа — это так называемые

иммигрантские сообщества, к которым относятся США, Канада и Австралия. Для этих сообществ (в силу самой их исторической специфики) характерно в целом позитивное отношение к мигрантам, и именно эти государства в первую очередь могут быть названы мультикультурными (и они, собственно, дают главные образцы мультикультурализма сегодня). Вторая группа стран — это классические европейские «государства-нации», такие как Франция, Великобритания или Германия, в которых в силу их традиционной этнокультурной гомогенности (и соответствующего восприятия себя как единой нации) сложилось достаточно сложное (а в ряде случаев и резко негативное) отношение к миграции и особенно к политике интеграции мигрантов в принимающий социум.

Рассмотрим эти особенности в понимании мультикультурализма на примере обозначенных государств (Канада, Австралия, США, ключевые европейские страны), опираясь на исследование А. И. Куропятника (Куропятник, 2000).

Он пишет (ссылаясь на немецкоязычную работу Ю. Хабермаса), что «мультикультурализм представляет собой особую форму интегративной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни». По его мнению, «обеспечение социального равенства меньшинств и национального большинства» позволяет также «определять мультикультурализм как политику признания» (там же: 55). Особенно актуальной, считает Куропятник, эта политика является для таких стран, как США и Канада. Таким образом, подчеркивается *политический характер* мультикультурализма, его направленность — как, собственно, и других ранее возникших общественных инноваций Запада: политической демократии, социального государства (см.: Канарш, 2009; 2010) — на обеспечение социальной стабильности современных развитых обществ.

Какими же средствами обеспечивается стабильность в различных национальных сообществах? Как мы отметили, здесь важную роль играет история и культура. Так, если брать Канаду, первое в мире государство, провозгласившее себя мультикультурным (1971 г.), то здесь мультикультурализм несет на себе явственный отпечаток *французской политической традиции*, точнее, классической французской модели республиканизма. Известно, что ключевой проблемой Канады как общества является давнее противостояние (сепаратизм) франкоговорящей провинции Квебек, населенной в основном потомками французских эмигрантов, центральному (федеральному) правительству, с требованиями предоставления провинции широкой национальной и культурной автономии и особых прав французскому языку⁶. В этих условиях в Канаде была выработана особая политика двуязычия, получившая название «билингвизм», в соответствии с которой существующие в стране национальные и культурные различия (между франкоговорящим меньшинством и англоговорящим большинством) трактуются преимущественно в *лингво-культурологическом ключе*, посредством чего этничность выведена за пределы собственно политического дискурса. Это, в частности, нашло отражение в понятиях «франкофонов» и «аллофонов», соответствующих базовому национально-культурному разделению внутри канадского общества (Куропятник, 2000: 57). В целом в вопросах своей национальной политики Канада ориентируется на модель Франции, для которой еще с XVIII в. характерно понимание нации не как этнического, а как политического сообщества с равными правами (независимо от этнического происхождения) для всех членов гражданского коллектива.

В этом отношении от канадской модели мультикультурализма существенно отличается модель, принятая в другой «иммигрантской» стране — Австралии. Известно, что спецификой Австралии как принимающего общества до определенного времени (1960-х годов) было то, что иммиграция

здесь поощрялась в основном из стран Запада (как развитых и благонадежных в отношении качества населения), тогда как на въезд иммигрантов из Азии, наоборот, были наложены достаточно жесткие ограничения. В 1960-е годы ситуация меняется, антииммиграционные в отношении выходцев из Азии запреты снимаются, и Австралия становится в полной мере страной культурного многообразия со всеми вытекающими последствиями — углублением социального неравенства, межэтническими конфликтами и т. д. Выходом стали вначале реализация программ социальной помощи в отношении мигрантов, а затем создание особой идеологии австралийского мультикультурализма с ее акцентом на *этничность* (а не на язык и культуру, как в Канаде). В результате уже с конца 1970-х годов «социальная помощь оказывается государством не мигрантам вообще, а определенным этническим группам. В соответствии с этим существенно возросла их роль во внутреннем самоуправлении, вырос авторитет глав этнических общин. <...> Одновременно происходит процесс кооптации этнических социальных структур в социальную структуру австралийского общества» (там же: 60).

Во многом схожие процессы наблюдаются с 1970-х годов в другой полиэтничной иммигрантской стране — США. Здесь, как и в Австралии, мультикультурализм (который трактуется в американском обществе предельно широко — как реализация справедливости в отношении любых маргинализированных меньшинств, будь то расовые, этнические, религиозные или сексуальные меньшинства) «замешан» преимущественно на этнической основе. Однако в отличие от Канады и Австралии, где политика культурного многообразия была прежде всего делом государства и реализовывалась по инициативе правительства, в Соединенных Штатах сообразно местной политической традиции, с присущими ей развитостью институтов гражданского общества и культурой демократического участия, мультикультурализм был инициирован «снизу», самими гражда-

нами. Непосредственным началом этому процессу послужила борьба выходцев из стран Южной и Восточной Европы (поляков, греков, итальянцев и словаков) за свои права, которая стала затем стимулом для аналогичных действий со стороны черного меньшинства (афроамериканцев), поддержанных к тому же влиятельной еврейской диаспорой (там же). Сегодня, как отмечает большинство исследователей, Америка — это страна победившего мультикультурализма, достигшая высоких образцов социального равенства между представителями англосаксонского большинства (WASP — белый англосак протестант) и различных этнических меньшинств (афроамериканцев, выходцев из Европы, Азии, Латинской Америки). В то же время именно Америка демонстрирует и многочисленные *перегибы* мультикультурной политики, часть которых принимает поистине курьезные, анекдотические черты (см., напр.: Павловская, 2007: 107–109).

Мультикультурализм стал проникать в Европу через Великобританию, в которой ассоциировался прежде всего с мультикультуральной образовательной политикой (Куропятник, 2000: 62). Однако в Европе, в отличие от Канады, США и Австралии, политика культурного многообразия столкнулась со значительными трудностями, которые, как известно, связаны с относительной политико-культурной и этнической гомогенностью сложившихся здесь национальных сообществ. Особенно показателен в этом отношении пример Франции.

«Французский — “республиканский” — идеал национального сообщества основан на представлении о нации как сообществе граждан. Критерий принадлежности этому сообществу на первый взгляд чисто политический: для того чтобы быть французом, надо быть французским гражданином. Расовые, религиозные, этнические различия в расчет не принимаются» (Малахов, 2005: 257). Как отмечает далее В. С. Малахов, эта политическая традиция восходит к XVIII столетию, к эпохе Великой Французской революции, которая из множества провинциаль-

ных этнических сообществ (гасконцы, провансцы, бургундцы, нормандцы и т. д.) создала единую французскую нацию, объединенную не столько общностью этнического происхождения, сколько приверженностью социальным и политическим идеалам Революции. «...Представление о нации как добровольном объединении автономных индивидов — характерная черта «французской» (гражданской) модели нации, которой противостоит «немецкая» модель, рассматривающая нацию как сообщество происхождения. Это представление восходит к Французской революции, провозгласившей, что национальность есть прежде всего гражданство — *citoyenneté*, а не религия, язык или этническая принадлежность. Суть этой концепции в том, что *citoyen* (гражданин. — Г. К.) — это тот, кто разделяет ценности Французской Республики, а не тот, кто принадлежит французам по крови. Однако наряду с политическим членством в нации эта концепция постулирует и *культурное* членство в ней. <...> Понятно, что в таком понимании национальной общности заложена сильнейшая тенденция к гомогенизации (т. е. ассимиляции этнических мигрантов. — Г. К.)» (там же: 258).

Влияние этой мощной политической традиции обнаружило себя в целом ряде практических коллизий, связанных с мультикультурализмом (там же: 258–259), наиболее известной из которых является так называемое дело о платках (запрет носить хиджаб в государственных учреждениях). В то же время именно Франция из-за своей жесткой политики в отношении мигрантов оказалась тем местом, где в 2005 г. произошли беспорядки, закончившиеся массовыми погромами⁷.

Другой пример противодействия политике культурного многообразия — современная Германия. Здесь, как уже было ясно из приведенной цитаты, действует иная модель — не политико-культурной (как во Франции), а этнической общности, где народ (нем. *Volk*), точнее, представление народа о себе самом, основывается прежде всего на

кровном (этническом) единстве. Довольно долго в Германии проводилась политика, в соответствии с которой приезжие (в основном рабочие из Турции) рассматривались как временные трудовые мигранты (что отразилось и в термине — *Gastarbeiter*, т. е. человек, который работает в стране, но на правах временно проживающего, «гостя»). С начала 1970-х годов иностранным рабочим было разрешено ввозить с собой и свои семьи, что в корне поменяло ситуацию в немецком обществе. «Именно в это время немецкое население пережило шок от перспективы мультикультурализма, поскольку на его глазах разрушалась привычная, устоявшаяся в культурных и коммуникативных алгоритмах картина, эмоциональное восприятие «своего» сообщества, образ которого неожиданно быстро стал уходить в прошлое» (Куропятник, 2000: 62). Как и французы, немцы предприняли ряд шагов по противодействию культурной плюрализации (например, запрет на ввоз в Германию иностранной рабочей силы в 1973 г.), однако это не решило существующей проблемы.

В целом сегодня можно говорить о двоякой тенденции в отношении политики культурного многообразия в странах Европейского сообщества. С одной стороны, «в последнее десятилетие во Франции и в последние три года в Германии (писалось в 2005 г. — Г. К.) произошли довольно существенные изменения. Франция внесла коррективы в законодательство о гражданстве, ознаменовавшие отход от «чистого» республиканизма. В Германии были приняты новые законы, в которых был, по сути, заложен пересмотр этнической модели нации. Предметом публичных дискуссий становится преобразование общества из «национального» в «мультикультурное» (в Германии они ведутся заметно более оживленно, чем во Франции)» (Малахов, 2005: 259–260).

С другой стороны, европейские политики самого высокого ранга (если иметь в виду недавние заявления канцлера ФРГ А. Меркель, немецких государственных чиновников) все чаще говорят о провале политики мульти-

культурализма (в той же Германии), фактически признавая необходимость ужесточения иммиграционной политики и соответствующих мер внутри самого национального сообщества — требования от мигрантов хорошего владения немецким языком, приверженности базовым ценностям национального сообщества и т. д. (Надо отметить, что эти заявления и требования являются реакцией на усиление влияния радикальных исламистских группировок, базирующихся в разных городах Германии (см.: Григорьев, 2010). В целом эксперты отмечают пересмотр общих принципов мультикультурной политики в странах ЕС сообразно официально принятой Евросоюзом концепции *межкультурного диалога*, «смещающей акценты с модели мультикультурализма на практики взаимодействия разных культур и их носителей» (см.: Семенов, 2010).

Таким образом, можно констатировать, что культурное многообразие остается для европейских обществ значительной проблемой и рецептов окончательного ее решения, устраивающего все стороны (как мигрантов, так и национальное большинство), пока не знает никто.

Возможны разные объяснения причин радикализации мигрантов (чаще называются причины социально-экономического характера), одна из которых, по-видимому, является характерологической. Это *авторитарная напряженность* (напряженность *своей, идущей из души*, авторитарностью) (Бурно, 2008: 20–25) многих представителей мусульманских общин в Европе, как и самой исповедуемой религии — ислама (см., напр.: Гачев, 2007: 361–362), что проявляется в известной прямолинейности (=авторитарности) мышления и чувствования, склонности к сверхценным образованиям. Такова, например, *концепция джихада* — напряженного усилия на пути следования законам ислама, включая необходимость вооруженной борьбы в определенных обстоятельствах (см.: Джихад: Эл. ресурс). По причине авторитарной напряженности, вспыхивающей при соприкосновении с европейскими по-

рядками и нравами⁸, как можно предположить, многие мусульмане (среди которых люди разных национальностей — турки, арабы, курды) до сих пор достаточно трудно «вписываются» в европейский либеральный и мультикультурный социум (аутистически-рациональный и светский по существу).

В то же время очевидно, что серьезной альтернативы политике мультикультурализма (или в смягченном виде — межкультурного диалога) в этих обществах также не существует⁹, поскольку традиционный идеал гражданской нации — малоэффективно работающая интеграционная модель в условиях общества, в котором проживают представители столь разных культур (европейской, тесно связанной с христианством, и исламской). Поэтому возникает впечатление, что европейские политики сегодня находятся в состоянии некоторой растерянности перед вызовами мультикультурализма¹⁰, на деле часто оказывающегося питательной средой для распространения исламского радикализма, терроризма и других угроз европейской безопасности и стабильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отечественной литературе существует целый ряд исследований по проблемам национальных характеров Запада и Востока, а также России, которые не будем специально приводить здесь (это исследования историков И. М. Супоницкой, А. В. Павловской, философа и филолога Г. Д. Гачева, политического психолога А. Л. Андреева, этнопсихолога Н. М. Лебедевой, журналиста-международника В. В. Овчинникова и др.).

² Сегодня это огромный пласт литературы, в основном западной. Отметим лишь некоторые, наиболее важные работы: Teulor, 1992; Kumlicka, 1995; Parekh, 2000; Бенхабиб, 2003; Хабермас, 2001; Кукатас, 2009: Эл. ресурс; Коадик: Эл. ресурс.

³ В числе прочих факторов, способствовавших миграции, отмечают такие, как известная гуманитарная настроенность Запада в отношении политических и иных беженцев (особенно выделяется в этом отношении Ве-

ликобритания), «миграционные амнистии», фактически легализующие незаконную миграцию и др.

⁴ Как отмечает Малахов, понятие мультикультурализма, означающее либо «определенную риторику», либо «определенную практику» («либо и то и другое вместе»), нельзя смешивать с понятием культурного многообразия. Сама по себе подобная ситуация (напр., в Ираке, Китае или Туркмении) еще «не дает оснований говорить о «мультикультурализме» в этих странах». Поэтому мультикультурализм следует понимать прежде всего как «социальную и политическую практику, направленную на организацию общежития в условиях культурного многообразия», а также соответствующую политическую идеологию (Малахов, 2005: 255).

⁵ Так, политолог В. С. Котельников, подчеркивая этот прагматический, специфический для Запада момент, отмечает в своей статье, что «у мультикультурализма есть своя мораль под названием толерантность, т. е. терпимость. Но эта нравственность исходит не от души, скорее от рассудка. В общезначимом контексте мультикультурализм поднимает проблему взаимодействия культуры большинства и культуры, привносимой извне (проблема иммигрантов и меньшинств), проблему комплексных коллективных идентичностей, проблему культурной толерантности и культурного диалога в контексте глобализации. И на все эти проблемы он предлагает вполне рациональные решения. Быть терпимым ко всем культурным традициям взаимовыгодно, утверждают теоретики мультикультурализма» (Котельников, 2003: Эл. ресурс).

⁶ Сегодня эти требования, состоящие в предоставлении Квебеку особого статуса в рамках канадской федерации, в основном выполнены (см.: Ильинская, 2007: 129).

⁷ Беспорядки были инициированы молодежью — потомками мигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока.

⁸ При этом важно понимать, что данное характерологическое свойство вовсе не предполагает склонности мусульман и вообще ислама к террору (см.: Бурно, 2008: 351).

⁹ Если не считать таковой, конечно, радикальный национализм некоторых европейских партий и общественных движений.

¹⁰ О чем свидетельствуют, в частности, противоречивые заявления той же А. Меркель в отношении этой политики (см.: Григорьев, 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян, Р. Г., Гусейнов, А. А., Прокофьев, А. В. (2005) Проблема справедливости в глобальной перспективе // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие основания и ценностные приоритеты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. М.: Наука. С. 122–150.

Бенхабиб, С. (2003) Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: пер. с англ. / под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос.

Бурно, М. Е. (2008) О характерах людей. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Фонд «Мир».

Гачев, Г. Д. (2007) Космос ислама. Кентавр: кочевник на земледельце // Гачев Г. Д. Космос-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект. С. 360–400.

Григорьев, Е. В. (2010) В Германии не прижилась мультикультура // Независимая газета. 18 октября. № 225 (5138). С. 1, 6.

Джихад [Электр. ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Джихад> (дата обращения: 08.01.2011).

Ильинская, С. Г. (2007) Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис.

Канарш, Г. Ю. (2010) Новый капитализм в России: социально-этические проблемы // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 100–106; № 3. С. 112–120.

Канарш, Г. Ю. (2009) Демократия и особенности национального характера (к политико-психологическим особенностям имиджа России) // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 64–77.

Канарш, Г. Ю. (2007) Политическая справедливость (Запад и Россия) // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 40–44.

Коадик, Р. Ле. Мультикультурализм [Электр. ресурс] // EAWARN — Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. URL: http://eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/02_Multiculturalism.htm (дата обращения: 08.01.2011).

Котельников, В. С. (2003) Мультикультурализм для Европы: вызов иммиграции [Электр. ресурс] // Доклад «Государство и антропоток»: демография, миграция, идентичность. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a263.htm> (дата обращения: 08.01.2011).

Кукатас, Ч. (2009) Теоретические основы мультикультурализма [Электр. ресурс] // InLiberty.ru. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/327/> (дата обращения: 08.01.2011).

Куропятник, А. И. (2000) Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 3. №2. С. 53–66.

Малахов, В. С. (2005) Национализм и культурный плюрализм // Национализм как политическая идеология. М. : КДУ. С. 250–261.

Павловская, А. В. (2007) Американцы // Павловская А. В. Особенности национального

характера... итальянцев, ...англичан, ...немцев, ...норвежцев и финнов, ...американцев, ...исландцев. М. : Изд-во ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ. С. 98–121.

Прокофьев, А. В. (2006) Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. А. Н. Толстого.

Семененко, И. (2010) Мульти-культу. В поисках новой модели общежития // Независимая газета. 23 ноября. Приложение «НГ-Сценарии». С. 15.

Хабермас, Ю. (2001) Борьба за признание в демократическом правовом государстве // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории : пер. с нем. СПб. : Наука. С. 332–380.

Kymlicka, W. (1995) Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford : Oxford Univ. Press, 1995.

Parekh, B. (2000) Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. L. : MacMillan.

Taylor, Ch. (1992) Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton (NJ) : Princeton Univ. Press.

Новые книги

Гневашева, В. А. Социально-экономическая значимость образования в развитии современного общества : монография [Текст] / В. А. Гневашева. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 188 с.

Костина, А. В. Интернет-сообщества: что обсуждается в Интернете? От думеров — до фурри. От игнора — до троллинга : монография [Текст] / А. В. Костина. — М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2011. — 176 с.